

ЛЮДИ ИСКУССТВА

В маленьком, сравнительно тихом по нынешним временам Собиновском переулке Москвы на расстоянии каких-нибудь ста пятидесяти метров друг от друга расположены два исторических здания — Государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского — ГИТИС, бывшее Филармоническое училище, насчитывающее свыше ста лет своей театрально-педагогической деятельности, и Театр имени Вл. Маяковского, в прошлом — Театр Революции, рожденный на заре Советской власти, судьбу которого в разные периоды его жизни определяли имена таких выдающихся мастеров режиссуры, как Вс. Мейерхольд, А. Дикий, А. Попов, Н. Охлопков.

ОЧЕНЬ ТРУДНЫЙ ПОРОГ

Двадцать последних лет во главе Театра имени Вл. Маяковского в качестве его художественного руководителя стоит народный артист СССР Андрей Александрович Гончаров, и без малого сорок лет преподает в ГИТИСе, возглавляя кафедру режиссуры, профессор А. А. Гончаров.

Нынешний признанный мастер сцены, мэтр, выпустивший не одно режиссерское поколение для современного театра не только нашей страны, но и множества театров за рубежом, А. Гончаров когда-то сам кончал ГИТИС и, по его собственным словам, проходя по утрам на занятия мимо здания Театра Революции, втайне мечтал когда-нибудь поработать на этой знаменитой сцене.

Юношеские, и в те поры казавшиеся дерзкими, мечты сбылись сполна. Только путь их лежал через суровые годы войны, навсегда оставившие меты в памяти режиссера.

Как-то так получилось, что в холодной военной Москве, из которой осенью 1941 года выехали в эвакуацию театры и театральные учебные заведения, сами собой образовались два-три очага культуры, куда мгновенно потянулась вся оставшаяся в городе творческая интеллигенция. В опустевшее здание ГИТИСа устремились студенческая молодежь: гитисовцы, консерваторцы, щепкинцы из числа оставшихся, включая тех, кто до войны еще не успел непосредственно прикоснуться к искусству, но мысленно уже видел себя на сцене или хотя бы около нее.

На месте оставалась гитисовская библиотека с ее прекрасным читальным залом, обставленным рядами массивных дубовых столов, и крохотным библиографическим кабинетом. Вот в этом уютном, согретом теплом двух женских сердец кабинете, при свете настольной лампы под зеленым стеклянным абажуром, я впервые услышала фамилию «Гончаров». Ольга Львовна Браславская, заведующая библиотекой, и библиограф Татьяна Сергеевна Борисова, украдкой смахивая слезы, часами могли рассказывать о «наших ребятах», в первые дни войны добровольно ушедших на фронт. Кого-то уже не было в живых, кто-то лежал после тяжелого ранения в госпитале... Чаше дру-

гих повторялись два имени — Наташи Качуевской, секретаря комсомольской организации института, души студенческого сообщества, и Андрея Гончарова, «необыкновенно талантливого», по словам рассказчиц, уже успевшего получить боевое крещение в составе кавалерийской сотни, раненого, выхоженного той же Наташей, когда, после множества скитаний по разным госпиталям, Андрей наконец очутился в Москве, у Склифосовского, а теперь возглавившего 1-й фронтовой театр ВТО.

Из рассказов об Андрее Гончарове выходило, что уже в ГИТИСе его педагоги, и в первую очередь удивительной душевной щедрости человек и режиссер Николай Михайлович Горчаков, прочили своему ученику не просто завидную режиссерскую карьеру по способностям, но обязательно собственный театр в Москве. Недаром его, двадцатитрехлетнего, еще не успевшего и дня поработать в профессиональном театре (свой дипломный спектакль «В степях Украины» А. Корнейчука А. Гончаров поставил в Иванове накануне войны), назначили сразу директором и главным режиссером фронтовой труппы, ядро которой составили оставшиеся в Москве прославленные артисты Малого и других театров, народные и заслуженные, по возрасту годящиеся в отцы, если не в деды, своему молодому руководителю.

А пройдет совсем немного времени, и Н. М. Горчаков, до конца своей жизни оставшийся для А. Гончарова учителем и непререкаемым авторитетом, напишет на своей книге «Режиссерские уроки Станиславского» поистине пророческую дарственную надпись: «Андрею Александровичу Гончарову. На память о старом «профессоре» с нежной любовью к будущему ученому и профессору». И поставит дату — 27/X-50. А ведь только на следующий год А. Гончаров переступит впервые порог ГИТИСа в качестве преподавателя, приглашенный туда все тем же Н. Горчаковым на возглавляемый им режиссерский факультет.

К этому времени за плечами молодого режиссера будет уже немалый профессиональный опыт: постановки во фронтовом театре, удачная «Женитьба Бе-

лугина» в Театре сатиры под руководством все того же «доброто гения» Н. Горчакова и последовавшие за ней другие работы, спектакли в Театре имени М. Н. Ермоловой, во главе которого стоял тогда замечательный режиссер А. М. Лобанов.

Наверное, можно было бы сказать, что А. Гончарову просто всю жизнь везло: был ранен, но остался жив, с первых самостоятельных шагов возглавил театр, пусть и небольшой, фронтовой, на колесах, ставил спектакли в лучших театрах Москвы, будучи сам еще молодым; начал преподавать в ГИТИСе. Все это, конечно, так, но это — лишь внешняя сторона событий. Ведь если бы этот человек не был столь щедро одарен от природы и не был столь одержим в работе, он не привлек бы к себе внимание выдающихся режиссеров.

На всю жизнь сохранив в сердце благодарность к своим педагогам и старшим товарищам, помогавшим ему в профессиональном становлении, Андрей Александрович и к собственным ученикам относится с теми же мерами требовательности и доброжелательности. Он не держит их возле себя, оберегая от превратностей театрального бытия. Он пускает их в свободный полет, как бы со стороны наблюдая за их становлением на крыло. Сергей Яшин в прошлом сезоне возглавил Театр имени Гоголя; Андрей Борисов на сегодня главный режиссер Якутского драматического театра, и о его спектаклях много и хорошо отзывается центральная пресса; Эймунтас Некрошюс своими работами в Театре молодежи Литовской ССР вызвал целый шквал споров, дискуссий, статей; когда на афише зрители встречают имя Петра Фоменко, они уже заранее знают, что это будет обязательно интересно. А сколько актеров воспитал А. Гончаров! Они тоже разлетелись по всей стране, а кому-то, как А. Фатюшину или И. Костолевскому, выпала счастливая, хотя и нелегкая доля работать в театре под руководством своего педагога. Да разве перечислишь всех, кого обучил и выпустил в жизнь профессор А. Гончаров!

В ГИТИСе он выработал и применяет уже в течение ряда лет свою собственную систему

совместного обучения режиссеров с актерами. Видя, какими неопытными по линии практики приходят молодые режиссеры в театры, он дает им возможность с первого курса работать с актерами, приобретая опыт, профессиональные навыки. Ведь режиссер — это не просто постановщик спектакля. Это и организатор творческого процесса, и педагог, и духовный наставник актеров. А главный режиссер или художественный руководитель театра — тем более.

В 40 лет А. Гончаров стал главным режиссером Драматического театра, тогда еще располагавшегося на Спартаковской. Это был уже не передвижной, наскоро собранный в военных условиях коллектив, а солидная столичная труппа. Вот когда, наверное, впервые во всей полноте и тяжести ощутил он, что значит вести за собой театр. Я знаю, многие считают или многим кажется, что А. Гончаров деспотичен как руководитель. Только ведь как понимать это применительно к внутритеатральной жизни? Если главный режиссер строго и неукоснительно ведет свою репертуарную линию, если он неторопливо, но четко и углубленно работает над новыми постановками, если он требовательно поддерживает в коллективе дисциплину и порядок, если он внимательно следит, чтобы все были загружены ролями по своим способностям и возможностям, то, наверное, это уже называется не деспотизмом, а истинно творческим отношением к главному делу своей жизни. Поэтому не случайно, думается мне, в бурную пору прошедших театральных дискуссий, когда расходившиеся труппы низвергали своих режиссеров, Театр имени Вл. Маяковского был в числе тех немногих коллективов, где продолжала идти нормальная работа и никому не пришло в голову крикнуть «долой!» своему художественному руководству.

Как режиссер-постановщик А. Гончаров уже давно признанный лидер. С той самой «Женитьбы Белугина», сразу же отмеченной зрителями и прессой, идет его постепенное восхождение к вершине. Театр сатиры, имени М. Н. Ермоловой, Драматический, Малый, на Малой Бронной, снова Ермоловой, на-

конец, имени Вл. Маяковского — на скольких сценах ставил он свои спектакли! И почти каждый из них становился событием театральной жизни Москвы. Бывало, что его постановки вызвали и начальственный гнев, потому что не укладывались в прокрустово ложе регламентированного искусства. Но он все равно продолжал вести свою линию, исповедуя театр глубоких мыслей и больших страстей, театр Человека и для Человека. Штукарства он не любит и не признает. С годами все больше тяготеет к классике, искусству ясному, человечному и чистому, открывая современное в давно прошедшем. Когда обращается к современности, требует от автора глубины мысли, социальной остроты, классической завершенности характеров.

С прессой суров. Я сама не раз бывала жертвой его щепетильности и повышенной требовательности. Сделаешь с ним интервью, а через два дня звонок: «Я не подпишу материал. Здесь есть переключка с мыслями, которые я уже высказывал (следует название статьи, опубликованной полгода назад в одной из газет). Нет, я не разрешаю публикации». И тут — хоть на колени становись — ничего не поможет. Уже не говоря о том, как безжалостно закрывает он двери перед критиками в дни первых показов новой работы. Капризы? Да нет, все то же отчаянное «самоедство».

С годами один за другим уходили из жизни его педагоги и старшие соратники по искусству. И вот уже он сам — старейшина столичного режиссерского цеха. Старейшина по мастерству, признанию, таланту, но отнюдь не в силу лет. У него давно «своя», по-настоящему «своя» театр, который прочили ему преемники-педагоги почти пятьдесят лет назад.

Каждый день, не спеша, идет он от Малой Бронной, через перекресток Никитских ворот, по улице Герцена к Собиновскому переулку. В отличие от многих своих коллег он не стремится дублировать свои постановки на сценах зарубежных столиц. Ему хватает работы и дома.

С годами все сложнее начинать новую постановку, — признается он. — И я понимаю моих коллег, которые утром, перед репетицией, долго не могут переступить порог театра. Это не кокетство. Это действительно очень трудный порог.

И в этом он тоже совершенно искренен. Вот только что выпущен «Закат» И. Бабея, по молодому задорно-юростный спектакль. В него вложен огромный труд, нервы, силы режиссера. А если учесть, что делал его человек на пороге своего семидесятилетия, то в самом названии усматривается нечто символическое. Только к А. Гончарову это отношения не имеет. На восходящей творческой спирали режиссера «Закат» — еще не вечер.

Н. БАЛАШОВА.